

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 291

Июнь
Серия «Филология»

2006

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЗОРЫ

- Иванцова Е.В.** Изучение языковой личности в томской лингвистической школе 5
Калиткина Г.В. Диалектные словари как лингвокультурологический источник: опыт реконструкции традиции (статья 1) 12

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Айзикова И.А.** К проблеме контекста работы В.А. Жуковского над переводом Нового Завета
(по материалам архива писателя) 20
Вётшева Н.Ж. Планы и конспекты волшебного исторического поэмы В.А. Жуковского «Владимир» (публикация и комментарий) 25
Гребнева М.П. Флорентийский мир Н.С. Гумилева и А.А. Ахматовой 32
Гребнева М.П. Флорентийский мир Н.С. Гумилева и А.А. Ахматовой 38
Данилевский Р.Ю. Сибирский Лессинг 43
Дашевская О.А. Д. Андреев и С. Булгаков: к вопросу о генезисе концепции «Роза Мира» 46
Доманский В.А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века:
культурологические аспекты изучения поэтики 56
Жилыкова Э.М., Васильева Е.Ю. Л. Стерн в творческих опытах молодого Л.Н. Толстого («La belle Flamande») 61
Завьялова Е.Е. Об устойчивой модели лирической медитации в русской поэзии 1880–1890 гг. 66
Казаков А.А. Литературная классика в ситуации распространения электронных форм бытования литературы:
проблемы филологического образования 73
Канунова Ф.З. Библиотека Г.С. Батенькова в Томске 77
Кафанова О.Б. Пушкин и Жорж Санд: творческий дискурс (факты и гипотезы) 81
Киселёв В.С. Проблема универсального повествования в эстетике русского сентиментализма 89
Мекш Э.Б. Проза поэта (очерк Александра Шириева «За бортом») 95
Панова О.Б. Онтологический статус слова в философском и художественном сознании Л.Н. Толстого 99
Разумова Н.Е. Онтология судьбы в драматургии А.П. Чехова 103
Рыбальченко Т.Л. Семантика киноискусства в новеллистике В. Шукшина 113
Шабанов Л.В. Метафора смысла и адиафора отражения 125
Сейбель Н.Э. Бог как гносеологическая категория в эстетике Германа Броха 128
Степаненко С.Б. Истина в словесном творении: к вопросу о герменевтико-феноменологическом
понятии литературы 135
Янушкевич А.С. Философия и поэтика гоголевского Всемира 145

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Гураль С.К.** Развитие коммуникативной компетенции у студентов дополнительного высшего образования
«Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» 155
Дронова Л.П. Откуда пришло должное? (к проблеме языкового отражения евроазиатского культурного диалога) 157
Жукова Н.С. Категориальные значения и проблема грамматической синонимии
(на материале современного немецкого языка) 165
Кильмухаметова Е.Ю. Основные понятия теории релевантности 170
Кильмухаметова Е.Ю., Курохтина Е.В. Роль невербальных средств в установлении коммуникативной цели
речевого акта (на материале современной французской художественной литературы) 173
Песина С.А. Разграничение языка и речи в свете прототипической семантики 177
Петрунина С.П. Функционально-семантическое поле персональности в диалекте 183
Старикова Г.Н. Размышления о ЕГЭ по русскому языку 188
Щитова О.Г. Польские заимствования в томской разговорной речи XVII века 195

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Абакумова Н.Н., Истомина Н.Н. Профессиональное самоопределение субъекта в процессе обучения и преподавания иностранного языка	200
Агафонова Л.И. Развитие учебных стратегий на примере учебных пособий для обучения иностранному языку студентов электрофизического и гуманитарного факультетов	206
Антоненко Т.А. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции в условиях информационного образовательного пространства: к постановке проблемы	210
Захарова Г.В. Межкультурная германистика как основа межкультурного подхода к обучению иностранным языкам в Германии	217
Качалов Н.А. Особенности использования аутентичных видеодокументов в обучении иностранному языку	221
Кузнецова С.В. От аудирования к говорению	228
Михалева Л.В. Формы организации самостоятельной работы студентов в условиях коммуникативного обучения иностранным языкам	231
Нестерова Н.М. Наука о переводе: герменевтика vs деконструктивизм	235
Рахманина М.Б. Реализация принципа опоры на включенность культуры в процесс обучения в методах обучения иностранным языкам	239
Рахманина М.Б. Обучение чтению на иностранном языке как компонент многоосевого образования (к вопросу о реализации педагогической категории «метод обучения» в конкретной методике обучения)	244
Ростовцева В.М., Качалов Н.А. Формирование языковой компетенции субъектов высшей школы на материале второго иностранного языка	249
Ростовцева В.М. Языковая подготовка как составляющая современной стратегии подготовки педагогических кадров	255
Слесаренко И.В. Особенности процесса формулирования высказывания на основе иерархической структуры элементов аргументации	260

СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И БИОМЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

Гальцова Н.П. Развитие новых технологий в рамках приоритетных направлений модернизации образовательной системы	264
Жилиякова Э.М. А.П. Елагина в истории российского образования (по материалам переписки А.П. Елагиной с В.А. Жуковским)	267
Сороковых Г.В. Сущностная характеристика субъектно-деятельностного подхода в профессиональной подготовке специалистов в вузе	276

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Канунова Ф.З. Томский период в моей жизни	280
Бартосевич Ф.Ф. На перекрестке войны	286
Колесникова Р.И. Корни и ветви экологов ТГУ	290

ЮБИЛЕИ

Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. К юбилею Ольги Иосифовны Блиновой	295
---	-----

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	297
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	300

FEDERAL AGENCY OF EDUCATION
VESTNIC TOMSK STATE UNIVERSITY
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 291

June

2006

Series «Philology»

Certification of registration: printed version № 018694, electronic version № 018693
Issued by Russian Federation state committee for publishing and printing on April, 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
on April, 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

REVIEWS

Ivantsova E.V. The learning of language's personality in Tomsk's linguistic school	5
Kalitkina G.V. Dialect dictionaries as a linguistic and cultural source: an attempt at tradition reconstruction	12

LITERATURE STUDIES

Ajzikova I.A. To the Problem of Zhukovsky's work on the New Testament translation (the autor's archive materials)	20
Vjotsheva N.Z. Plans and notes of «Vladimir», a magic-historic poem by V.A. Zhukovsky	25
Grebneva M.P. Florence of O.E. Mandelstam	32
Grebneva M.P. Florentine world of N.S. Gumilev and A.A. Achmatova	38
Danilevskiy R. Siberian Lessing	43
Dashevskaya O.A. D. Andreev and S. Bulgakov: to the problem on genesis of the conception «The Rose of the World»	46
Domanskiy V. The Russian manor in the literature of the XIX-th century: cultural aspects of the poetics study	56
Zhiliakova E.M., Vasilieva E.Y. L. Sterne in creative experiments of young L.N. Tolstoy («la belle Flamande»)	61
Zav'jalova E.E. About steady model of lyrical meditation in Russian poetry 1880–1890 years	66
Kazakov A.A. Classical Literature in electronic forms: problems of philological education	73
Kanunova F.Z. G.S. Batenkov's library in Tomsk	77
Kafanova O.B. Pushkin and George Sande: Creative Discourse (facts and hypotheses)	81
Kiselev V.S. The problem of universal narrative in Russian sentimental aesthetic	89
Meksh E.B. Poet's Prose (Alexander Shiriayevtsev's essay «Overboard»)	95
Panova O.B. Ontological status of the world in philosophic and artistic consciousness of L.N. Tolstoy	99
Razumova N.E. The onthology of fate in Checkov's plays	103
Ribalchenko T.L. Semantics of cinematography in V. Shukshin's novels	113
Shabanov L.V. Metaphorical modelling of sense and him Adiaphorical reflection	125
Seibel N.E. God as a gnoseological category in the Herman Broh's aesthetics	128
Stepanenko S.B. The truth in poetic work of art: anent the hermeneutical-phenomemological concept of literature	135
Yanushkevich A.S. The Philosophy and Poetics of Gogol's Vsemir (the Universe)	145

LINGVISTICS

Gural S. The role of students project activity in developing communicative competence	155
Dronova L.P. Where has a must come from? (To the problem of language reflection of Eurasian cultural dimension)	157
Zhukova N.S. Categorical values and the problem of grammatical synonymy (on the basis of German)	165
Kilmukhametova E.U. The main notions of theory of relevance	170
Kilmukhametova E.U., Kurokhtina E.V. The role of nonverbal means in establishing the communicative goal of the speech act (based on modern french literature)	173
Pesina S.A. The distinction of language and speech in prototypical semantics	177
Petrunina S.P. Functional semantic field of personality in dialect	183
Starikova G.N. Thoughts about russian language	188
Shchitova O.G. The polish borrowings in the Tomsk colloquial speech of the XVII-th century	195

THE PROBLEMS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Abacumova N.N., Istomina N.N. Professional self-determination of the subject in the process of foreign language and culture teaching and learning	200
Agafonova L.I. Development of learning strategies in the textbooks of foreign languages for specific purposes (electrophysics and electronic equipment, humanities)	206
Antonenko T.A. Developing foreign language communicative competence with the help of ict. Topic to be considered	210
Zackharova G.V. Intercultural germanistic as the basis of the intercultural approach to teaching foreign languages in Germany	217
Kachalov N.A. Peculiarities of using authentic video materials in foreign language teaching	220
Kuznetsova S.V. From listening to speaking	228
Mikhaleva L.V. The forms of organization of students' self-study activity in foreign languages in conditions of communicative learning	231

Nesterova N.M. Translation theory: hermeneutics vs deconstruction	235
Rakhmanina M.B. Realization of the principle of culture inclusion basis in the educational process of foreign language teaching	239
Rakhmanina M.B. Teaching reading comprehension in a foreign language as a multiaxes structure	244
Rostovtseva V.M., Kachalov N.A. The formation of linguistic competence of higher education subjects on the material of a foreign language	249
Rostovtseva V.M. Linguistic competence as part of modern teacher training strategy	255
Slesarenko I.V. Peculiarities of utterance formulation process based on elements of critical thought and reasoning	260

SOCIALPSYCHOLOGICAL AND BIOMEDICAL ASPECTS OF EDUCATIONAL PROBLEMS

Galtsova N.P. Development of new technologies within the limits of priority trends of modernizing the educational system	264
Zhiliakova E.M. A.P. Elagina in history of Russian education (on the materials of correspondence with V.A. Zhukovsky)	267

MEMOIRS. MEMORABLE DATA. PERSONS

Kanunova F.Z. The Tomsk's period in my life	280
Bartosevich F.F. On the cross-road of the war	286
Kolesnikova R.I. The roots and branches of ecologists of TSU	290

JUBILEES

Golev N.D., Lebedeva N.B. From jubilee of Olga Iosifovna Blinova	295
---	-----

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	297
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	300

Л. СТЕРН В ТВОРЧЕСКИХ ОПЫТАХ МОЛОДОГО Л.Н. ТОЛСТОГО («LA BELLE FLAMANDE»)

Статья посвящена изучению вопроса влияния Л. Стерна на формирование художественного мышления Л.Н. Толстого. Устанавливается факт включения «слова» Стерна (выражение «la belle Flamande») из «Сентиментального путешествия через Францию и Италию» в автобиографическую трилогию Толстого и выявляется диалектика интерпретации русским писателем этико-эстетической категории чувствительности Стерна.

Вопрос о значении Л. Стерна для формирования художественного мышления Л.Н. Толстого принципиально важен, о чем свидетельствуют собственные признания писателя. В дневнике от 25 декабря 1909 г. Толстой сделал запись, сохранившую память об атмосфере восприятия им Стерна в период начала творчества: «Читал “Sentimental Journey”. Напоминает юность и художественные требования. Сейчас вечер. На душе хорошо» [1. Т. 57. С. 194]. В исследованиях отечественных литературоведов накоплен достаточно большой материал о характере восприятия молодым Толстым опыта Стерна, в частности, показано место английского писателя в круге чтения Толстого, в сравнительно-типологическом аспекте рассмотрены вопросы структуры повествования, содержания этико-эстетической категории чувствительности и др. [2–9]. В плане разработки этой проблемы значимым является установление факта прямого включения Толстым «слова» Стерна в текст своих первых произведений.

Речь идет о выражении «la belle Flamande» (прекрасная фламандка), появление которого в «Четырех эпохах развития» и автобиографической трилогии можно связать, как нам представляется, с толстовским переводом «Сентиментального путешествия по Франции и Италии» Л. Стерна, которое Толстой переводил с марта 1851 по апрель 1852 г. Об этом говорят его дневниковые записи от 24 марта, 10 августа 1851 г. и 8, 12–14 апреля 1852 г. [1. Т. 46. С. 55, 82, 108–110]. Одновременно шла работа над «Четырьмя эпохами развития» и «Детством». История появления выражения «la belle Flamande» в «Детстве» и «Юности» Толстого, никак не прокомментированного и в новом Полном собрании сочинений Л.Н. Толстого, представляет интерес как свидетельство непосредственного художественного контакта Толстого со Стерном.

В библиотеке яснополянского дома сохранился томик «Сентиментального путешествия» Л. Стерна («A Sentimental Journey through France and Italy» by L. Sterne. Paris, 1835. 178 p.). «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна оказывается и в круге чтения Л.Н. Толстого, который пишет брату в ноябре 1851 г. в связи с рассказом о встрече с путешествующим дьячком из Екатеринодара: «...об этом разряде путешественников даже и Стерн ничего не говорит, и мое изучение “Сентиментального путешествия” не могло научить меня, как мне вести себя...» [1. Т. 59. С. 123].

Перевод «Сентиментального путешествия» Толстой делает с оригинала. В главе «The remise door. Calais» («Дверь каретного сарая. Кале»), начинающейся обращением сентиментального путешественника к

встреченной им на улице даме: «This certainly, *fair lady*, said I, raising her hand up a little lightly as I began... (курсив наш. – Э.Ж., Е.В.)» [3. Т. 1. С. 346] (перевод: Конечно, прекрасная дама, – сказал я, взяв ее руку немного выше...), Толстой переводит выражение «*fair lady*» по-французски, тем самым отступает от текста Стерна: «*Belle dame*, сказал я, подняв ее руку несколько выше...» [1. Т. 1. С. 260]. По ходу действия выясняется, что эта прекрасная дама заполнила все воображение сентиментального путешественника, хотя он еще не знал ни ее имени, ни происхождения. Через две главы в главе «In the street. Calais» («На улице. Кале») появившийся французский капитан с необычайной ловкостью приступает к выяснению вопроса, откуда дама, какого она рода, – и оказывается, что эта «*la belle dame*» – фламандка.

«...he did it just as well by asking her? If she had come from Paris. – No: she was going that rout, she said. – Vous n’etez pas de Londres? – She was not, she replied. – Then Madame must have come thro’ Flandres. – *Apparamment vous etes Flamande?* (курсив Л. Стерна. – Э.Ж., Е.В.) said the French captain. – The lady answerd, she was» [3. Т. 1. С. 355]. Перевод: Он спросил ее, не из Парижа ли она приехала? – Нет, она едет по направлению к Парижу, – сказала дама. – Вы не из Лондона? – Нет, не из Лондона, – отвечала она. – В таком случае мадам прибыла через Фландрию. Очевидно вы фламандка? – спросил французский офицер. – Дама ответила утвердительно.

Толстой переводит этот отрывок следующим образом: «Тотчас же, повернувшись также ловко к ней, он спросил у нее, не из Парижа ли она едет?

«Нет, но я еду по этой дороге», отвечала она.

«Vous n’etes pas de Londres?»

Она отвечала, что нет.

«Стало быть, вы едете из Фландрии. *Apparamment vous tes Flamande* (курсив наш. – Э.Ж., Е.В.), – сказал французский капитан. Барыня отвечала, что это действительно так» [1. Т. 1. С. 260].

Английский пастор и французский капитан в тексте Стерна разведены языковым барьером, что вполне естественно и является способом характеристики не просто людей разной национальности, но и различной ментальности. Толстой, введя в своем переводе французский язык в речевую стихию англичанина, намечает возможность внутреннего схождения двух европейских путешественников.

Итак, героиню из «Сентиментального путешествия» Л. Стерна Толстой называет в переводе «*la belle dame*», и она оказывается фламандкой – «*la belle Flamande*». Выбор национальной принадлежности

героини существует. В выражении «la belle Flamande» отчетливо просматривается ориентация Стерна на эстетику фламандской живописи (Рубенс, Ван Дейк) с ее культом здоровой, полнокровной красоты женского тела и радостного приятия жизни. Введение в текст концепта красоты во вкусе фламандского искусства придает позиции Стерна и образу Йорика художественную многозначность: психологически достоверной представляется готовность героя откликнуться на красоту земной реальной женщины, одновременно юмористически корректируется поведение восторженного путешественника, переходящего с необычайной легкостью от бескорыстного сочувствия к ухаживанию, и здесь же пародируется Стерном бытовавшее в сентиментальной литературе представление об идеальной чувствительности как переживании исключительных возвышенных, неземных чувств.

Настойчивость, с которой Толстой вводит выражение «la belle Flamande» в текст своего произведения и несколько раз повторяет его, заставляет пристальнее взглянуть в содержание сцен, изображающих встречи сентиментального путешественника Йорика с фламандкой, и в манеру повествования Стерна, задавшись вопросом о причине интереса Толстого к этому эпизоду и образу путешественника.

Эпизод встречи с фламандкой (это 9–17-е главы произведения) открывает в книге Стерна романтическую линию, которая найдет продолжение в истории с перчаточницей, с хорошенькой гризеткой, в рассказе о Мари. В этих главах (9–17-я) завязан узел проблем нравственно-этического содержания: поведение человека в ситуации на rendez-vous (одной из ключевых ситуаций европейского романа XVIII и XIX вв.); выведен тип чувствительного героя, позволившего Стерну поставить вопрос о превосходстве чувства над рассудком; предложена концепция разных видов любви как проявления типов мироотношения, разработана художественная система изображения сложного процесса душевных переживаний человека.

Для Толстого, читавшего Стерна в оригинале, принципиально важными оказались два аспекта в художественном наследии английского писателя: чувствительность как нравственное и эстетическое обоснование естественной природы человека и понимание ненормативности каждой личности, искусство воплощения текучести и многозначности душевного процесса.

Стерн, писатель эпохи кризиса Просвещения в Европе, в образе сентиментального путешественника воссоздал тип героя, действующего по законам чувства: «Когда сердце летит вперед рассуждения, оно спасает рассудок от целого мира страданий» [1. Т. 1. С. 259]. Чувствительный и восторженный Йорик наделен пылким воображением и способностью создавать мир по законам чувства: он еще не видел лица дамы, «но это и не нужно было, потому что прежде чем мы подошли к двери каретного сарая, воображение окончательно нарисовало мне ее голову, и забавлялось представлять мне ее как богиню, которую я сам вытащил из Тибра» [1. Т. 1. С. 259–260].

Главным предметом рассуждений Йорика и раздумий Стерна в эпизоде с фламандкой является любовь,

которая представляется сентиментальному путешественнику как явление особого, духовного, порядка. В основе этого чувства лежит, по словам Йорика, «что-то». Сердечный интерес путешественника к даме возник из-за этого «чего-то», уловленного в ней: «...по лицу ей было около двадцать шести; она была брюнетка с белым и прозрачным цветом лица, одета была просто, без румян и пудры; она не была, критически разбирая, прекрасна, но в ней было что-то, что в состоянии ума, в котором я находился, привязывало меня к ней более – она была интересна» [1. Т. 1. С. 260].

Важно заметить, что в основе отношения Йорика к фламандке лежит растущее чувство симпатии, основанное на глубоком сочувствии, он испытывает ощущение «какой-то приятной нежности». Облик «la belle Flamande» с самого начала дает основание для заключения о каком-то переживаемом ею горе, но уже притупившем свою остроту (опять процесс!): «Я вообразил, что она во взгляде носит вдовствующее выражение и что она находится в том положении, когда прошли уже два пароксизма горести и она начинает мириться со своею потерей...» [1. Т. 1. С. 260]. В описании потока «приливов и отливов» переживаний, смешанных по составу (радость сменяется печалью, грусть оборачивается утешением), доминирует элегический тон, выражающий грустно-нежный характер чувств сентиментального Йорика. Перед расставанием, как бы венчая тональность отношений элегическим всплеском, дама в благодарности Йорику за внимание говорит о чувстве сострадания как высшей мере симпатии: «...я полагаю, ваше расположение заставило бы меня рассказать вам историю о себе, которая возбудила бы лишь одно опасное чувство в вас во время путешествия – сострадание» [1. Т. 1. С. 267].

Таким образом, грустно-элегическая тональность в «Сентиментальном путешествии» развивает тему восторженной и сострадательной любви. Неоднократно возникающий в дневниках молодого Толстого мотив грусти связан с нравственно-этическими и эстетическими поисками идеала. 2 июня 1851 г. он делает большую запись в дневнике о переживаемом состоянии грусти: «Ах, боже мой, боже мой, какие бывают тяжелые, грустные дни! И отчего грустно так?» [1. Т. 46. С. 47]. Толстой рассуждает о неопределенности причин грусти и неуловимости этого чувства и в конечном итоге приходит к философской генерализации: источник грусти – сознание недостижимости идеала: «...слишком мало наслаждений, слишком много желаний, слишком способен человек представить себе счастье, и слишком часто, так ни за что, судьба бьет нас больно, задевает за нежные струны, чтобы любить жизнь...» [1. Т. 46. С. 47].

«Детство», как и «Четыре эпохи развития», в сравнении с «Отрочеством» и «Юностью», насквозь пронизано элегичностью, которая в первую очередь связана с воспоминаниями чувствительного Николеньки Иргеньева о матери. В изображении матери, к которой, как пишет Толстой, Николенька испытывал «чувство страстной любви, обожания и грустной привязанности» [1. Т. 1. С. 126], легко угадывается рисунок Стерна. Лицо матери, как и la belle Flamande, освещает внутренняя красота: «Матушка имела оно из

тех лиц, которые не хороши, но чрезвычайно приятны» [1. Т. 1. С. 104], «очерк лица неправильный, продолговатый, в особенности к подбородку, но опять-таки линии, составляющие его, имели особенную прелесть». Доминанта в обрисовке облика матери, как и у *la belle Flamande*, «мягкость и нежность» [1. Т. 1. С. 104]. И постоянное выражение грусти: «матушка имела улыбку горести», «милые глаза, полные слез». Стихией элегизма в «Детстве» Толстого, как и у Стерна, оваяно изображение идеально-прекрасного.

На фоне светлой грусти воспоминаний о матери в главе «Письмо» впервые появляется образ героини, названной «*la belle Flamande*», – это юная соседка по имени, Авдотья Васильевна Епифанова, будущая мачеха Николеньки Иртеньева, его брата и сестры. Судя по записи в дневнике от 11 марта 1851 г., Толстой был доволен этой главой: «Писал письмо, хорошо, немного торопливо» [1. Т. 46. С. 49]. Заметим, что параллельно идет работа над переводом «Сентиментального путешествия».

Образ молодой красивой женщины вводится по контрасту с образом матери: здоровье и кокетство «*la belle Flamande*» – Епифановой оттеняют болезнь, печаль и глубину душевных переживаний матери Николеньки. Первоначальная редакция («Четыре эпохи развития») в сравнении с «Детством» отличалась большей резкостью характеристики, несущей на себе печать непосредственных размышлений Толстого над типом женского поведения, запечатленного Стерном.

«Четыре эпохи развития»: «...*La belle Flamande*, которая гостит у меня... *La belle Flamande* выбрала меня своей *confidente* и *целый день рассказывает мне, как за ней волочатся, особенно какой-то уездный лекарь. По правде сказать, она мне надоедает* (курсив наш. – Э.Ж., Е.В.); но что делать, это слабость всех больных – приятно, когда кто-нибудь тут сидит и болтает, даже глупости. Действительно, она очень хороша собой и неглупа. Теперь ей только 16 лет, и ежели бы она была в хороших руках, из нее бы вышла премилая светская девушка; ежели бы у меня не было своих детей, я бы взяла ее» [1. Т. 1. С. 141–142].

«Детство»: «*La belle Flamande*, как ты ее называешь, гостит у меня уже вторую неделю, потому что мать ее уехала куда-то в гости, и своими попечениями доказывает самую искреннюю привязанность. Она *поверяет мне все свои сердечные тайны. С ее прекрасным лицом, добрым сердцем и молодостью* (курсив наш. – Э.Ж., Е.В.) из нее могла бы выйти во всех отношениях прекрасная девушка, если б она была в хороших руках; но в том обществе, в котором она живет, судя по ее рассказам, она совершенно погибнет. Мне приходило в голову, что если бы у меня не было так много своих детей, я бы хорошее сделала дело, взяв ее» [1. Т. 1. С. 78].

Толстой убирает налет куртуазно-легкомысленного оттенка в образе Епифановой, напротив, образ молодой женщины, освещенный восприятием матери, приобретает мягкость и благородство. Важно заметить, что имя молодой соседке, «*la belle Flamande*», дано отцом Николеньки, натурой чувствительной на французский манер, и именно в главе «Письмо» за-

вязывается романический узел отношений между отцом и Авдотьей Васильевной.

В этом же направлении шла работа над текстом главы «Что ожидало нас в деревне».

«Четыре эпохи развития»: «На кровати лежала *tataп*, у кровати стояла молодая девушка в белом утреннем капоте; засучив немного рукава, она терла виски *tataп* одеколоном. <...> Девушка эта была соседка наша, о которой *tataп* писала и которая была известна нам под именем *la belle Flamande*. *Лишь только она увидела нас, она покраснела, отняла одну руку от висков tataп, только для того, чтобы освидетельствовать ею, не пристоеен ли ее туалет, и, кланяясь отцу, но грустно улыбаясь, тоже шопотом сказала ему: «в забытьи».* – Некоторые говорят, что в сильном горе человек не думает ни о чем, как о своем горе. Неправда, я был в сильном горе в эту минуту; но я замечал все мелочи: например, я заметил эту *грустную полуулыбку la belle Flamande, которая значила: «хотя и грустно теперь, но все я вам рада»* (курсив наш. – Э.Ж., Е.В.)» [1. Т. 1. С. 147].

«Детство»: «Налево от двери... подле кровати стояла молодая, очень белокурая, замечательной красоты девушка, в белом утреннем капоте, и, немного засучив рукава, прикладывала лед к голове *tataп*, которую мне не было видно в эту минуту. Девушка эта была *la belle Flamande*, про которую писала *tataп* и которая впоследствии играла такую важную роль в жизни всего нашего семейства. Как только мы вошли, она отняла руку от головы *tataп* и оправила на груди складки своего капота, потом шепотом сказала: «в забытьи» [1. Т. 1. С. 83].

В сопоставлении двух женских образов просвечивает диалектика толстовского восприятия Стерна: молодой писатель фиксирует две стороны в духовном облике и сентиментального путешественника, и прекрасной дамы – и проецирует обе эти линии в своем тексте.

С одной стороны, очевидно, что Толстой откликается на комплекс чувствительности, развивает элегичность, оставаясь нейтральным к стерновскому юмористическому тону. Элегическая атмосфера у Толстого, как и у Стерна, связана с развитием и утверждением естественности как критерия нравственно и эстетически прекрасного. С другой стороны, Толстой вступает в сложный диалог со Стерном в понимании природы человека, сказавшейся в отношениях героя с женщиной. Стерновская трактовка чувствительности, его толерантность к искусственному, проявляющемуся в галантности и условностях поведения героев, не устраивала Толстого.

Действительно, на первый взгляд, Стерн выступает в «Сентиментальном путешествии» как сторонник искренней чувствительности, когда противопоставляет два типа любви: сентиментальная чувствительность английского путешественника и волокитство француза («говорить о любви в первую минуту и предлагать свою особу во вторую»). Оппозиция чувствительности и прагматизма, искренности и игры заключает в себе не только противопоставление разных национальных ментальностей и социально-психологических типов, но и более масштабное противоположение просветитель-

ким ценностям естественного и общежительного новым, индивидуалистическим ценностям, утверждающим значимость каждой личности в ее неповторимости.

Эти оппозиции приняты и усвоены Толстым, они получают развитие как концепция двух родов любви: любовь искренняя, любовь во имя другого, и любовь красивая, любовь для себя.

Однако чувствительность Йорика, как и духовный облик *la belle dame*, в сущности, имеет двойственный характер. Идеальное, с точки зрения сентиментального путешественника, проявление любви описано Стерном как игра, а не безрассудный порыв, как паутина чувств, сотканная из различных нитей: «Последовательность легких и спокойных внимательностей, так направленных, чтобы они не встревожили, не так неопределенных, чтобы они не были поняты, с нежным взглядом, время от времени и редко, или никогда не говоря об этом предмете, оставят вашей любовнице свободу действовать сообразно с природными влечениями; и природа сама настроит душу» [1. Т. 1. С. 267].

На протяжении девяти глав отношения Йорика и *la belle Flamande* строятся на постоянном смешении восхищения, овеянного трогательностью печали и очарованностью женским кокетством, словом, они скользят на неуловимой грани сочувствия и откровенного ухаживания. По точному определению И. Верцмана, «грань сентиментальности и цинизма у него (Йорика. – Э.Ж., Е.В.) почти стерта» [10. С. XXIII]. Эти две постоянно переплетающиеся линии в поведении, приливы и отливы их определяет и сам Йорик: «Одним словом, я чувствовал к ней расположение, решил влечься за ней и даже предложил ей свои услуги». Проницательная дама отметила эту черту в его поведении: «Итак, тожественно объявляю, – сказала, покраснев, барыня, – что вы все время не переставали влечься за мною» [1. Т. 1. С. 267].

Изображению смешанности, процессуальности душевных движений как проявлению непредсказуемости индивидуального чувства служит художественная манера Стерна аналитически расчленять единство, не разрушая его. Пример тому описание состояния Йорика, когда он принял решение пригласить даму продолжить путешествие в его карете: «Все подлые страсти и дурные наклонности подняли тревогу <...>. “Это заставит вас иметь третью лошадь”, – сказала *скудность*. – “Значит, из кармана двадцать ливров.” – “Вы не знаете, кто она такая”, – сказала *недоверчивость*. “И мало ли какие могут из этого дела выйти неприятности”, – сказала *подлость*. – “Вы можете быть уверены, Йорик”, – сказала *предусмотрительность*: “скажут, что вы едете с любовницей, с которой нарочно съехались в Кале”. – “После этого вам нельзя будет лица на свете показать”, – сказала *лицемерие*; “и вы никогда не возвыситесь в церковных степенях”, – говорило *малодушие*, “а останетесь навсегда ничтожным пастором”, – говорила *гордость*» [1. Т. 1. С. 263–264].

Художественный метод Стерна соответствовал и способствовал формированию толстовского типа самоанализа и принципов изображения диалектики чувства. В дневнике от 2 июня 1851 г. Толстой делает запись буквально стерновского характера: «Как силен

кажусь я себе против всего с твердым убеждением, что ждать нечего здесь, кроме смерти; и сейчас же думаю с наслаждением о том, что у меня заказано седло, на котором я буду ездить в черкеске, и как буду я влечься за казачками, и приходиться в отчаяние, что у меня левый ус хуже правого, и я два часа расправляю его перед зеркалом» [1. Т. 46. С. 78].

Программная запись в дневнике от 14 апреля 1852 г. проясняет эстетический аспект восприятия Стерна Толстым: «Читал Стерна. Восхитительно. If nature has so wove(n) his web of Kindness, that some threads of love and desire are entangled in the piece – must the whole piece be rent in drawing them out» [1. Т. 46. С. 116]. Перевод: Если природа так сплела свою паутину доброты, что некоторые нити любви и некоторые нити вожделения вплетены в один тот же кусок, следует ли разрушать весь кусок, выдергивая эти нити. Выписка Толстого из главы «Победа» показывает, насколько важным для Толстого был аналитизм Стерна, прокладывавший путь к толстовской характерологии героев, в том числе и образа отца, и Авдотьи Васильевны Епифановой и самого Николеньки Иртеньева.

Образ героини – «типа *belle Flamande*» в контексте и перспективе толстовской концепции становится выражением противоречивости личности, обусловленной миропорядком, разрушающим патриархально-нравственную цельность человеческой природы.

Диссонанс внешнего и внутреннего, намеченный в образе Епифановой в «Детстве», получает развитие в «Юности». Теперь фраза «*la belle Flamande*» в применении к русской дворянке, мачехе Николеньки, оттеняет глубину духовной коллизии человека, построившего свою жизнь на любви красивой, но эгоистичной. В глазах Николеньки Авдотья Васильевна предстает в двух обликах. Один – это облик женщины, страстно любящей; желание нравиться оживляет ее, делает неотразимо привлекательной («в ее шляпе с необыкновенно голубым страусовым пером и синего, венецианского бархата, платьем, которое... искусно обнажало стройную белую грудь и руки» [1. Т. 2. С. 209]). Портрет героини заставляет вспомнить полотна фламандских мастеров – картины Рубенса и Ван Дейка. Но любовь Авдотьи Васильевны не распространялась далее любви к отцу Николеньки: «Единственная цель ее жизни была приобретение любви своего мужа» [1. Т. 2. С. 212]. Толстой неоднократно говорит о равнодушии мачехи к детям: «В ней было... отсутствие той в высшей степени развитой в нашем доме способности понимания»; «своим бездействием она не снискивала себе любви» [1. Т. 2. С. 212]. Это равнодушие ведет к саморазрушению личности, к перерождению любви в ревность, что так сильно проявлялось в ее внешнем виде: «...я думал, глядя на нее: что бы сказали те, которые восхищались ей, ежели бы видели ее такую, как я видел ее, когда она по вечерам оставалась дома, после двенадцати часов дожидаясь мужа из клуба, в каком-нибудь капоте, с нечесаными волосами, как тень ходила по слабо освещенным комнатам... подходила к буфету, доставала оттуда телятину и съедала ее, стоя у окошка буфета, то снова, усталая, тоскующая, без цели шлялась из комнаты в комнату» [1. Т. 2. С. 211–212]. И только когда в своем чувстве

любви она была искренне-незащищенной («припадки застенчивости», «краска беспрестанно прилиwała и отливала от ее лица»; «частые переходы от задумчивости к ...роду ее странной, неловкой веселости»), через восприятие Николеньки, сочувствующего ей как человеку страдающему, в повествовании возникает элегический тон, поэтизация чувствительных порывов души.

Духовное перерождение любви в «тихую ненависть» настигает и отца Николеньки, натуры чувствительной и прагматичной одновременно. В образе отца Толстой разрабатывает вариант героя Стерна, сентиментального Йорика в возможном его развитии. В «Четырех эпохах» дана развернутая характеристика образа отца, в которой акцентированы его рассудочность и умение играть в чувства: «Он знал ту крайнюю меру самонадеянности и уверенности в себе, которая возвышала его и не оскорбляла других. – Он умел быть оригинальным, но не до крайности; он употреблял оригинальность тогда, когда она нужна ему была, заменяя светскость или богатство. Он умел всегда показывать одну выгодную сторону своей жизни. Быть скромным там, где нужна была ему скромность, надменным там, где надменность была полезна. Ничто не могло заставить показать его свое удивление, в каком бы он ни был неожиданном блестящем положении, казалось, что он для этого и рожден был. Одним словом, он был то, что по французски называется «un homme de tact», а по-русски практический человек» [1. Т. 1. С. 107]. Не случайно изображение отца погружено в стихию французского языка, именно ему принадлежит название Авдотьи Васильевны именем «la belle Flamande».

Образ Авдотьи Васильевны (без упоминания выражения «la belle Flamande») появится на последней странице трилогии в драматический для Николеньки момент: после провала на экзаменах он впадает в горестное состояние. «Я думал, думал и, наконец, раз поздно вечером, сидя один внизу и слушая вальс Авдотьи Васильевны, вдруг вскочил, взбежал наверх, достал тетрадь, на которой написано было “Правила жизни”, открыл ее, и на меня нашла минута раскаяния и морального порыва. Я заплакал, но уже не слезами отчаяния» [1. Т. 2. С. 226]. Вальс (единственное, что умела играть мачеха) становится для Николеньки толчком для возрождения души. В контексте всего произведения значимо, что это «Сентиментального путешествия» Стерна венчает трилогию Толстого, заключает ее слезами обновления и музыкой, которая «действует на нас, как воспоминание» [1. Т. 46. С. 58].

Таким образом, задолго до «Анны Карениной», на страницах автобиографической трилогии Толстой разрабатывает сюжет двух типов любви как разного мироотношения: идеальной любви к детям, к мужу и страстной, красивой любви для себя, обрекающей на перерождение личности. Другим итогом раннего знакомства со Стерном явилось понимание Толстым сложности и стихийности духовной жизни, в том числе и любовного чувства как важнейшей сферы проявления человеческой сущности. Вызревание этой концепции, выразившей национальный и эпохальный характер, и формирование художественного метода изображения сложности, стихийности поведения личности происходило у Толстого в процессе чтения и осмысления им сентиментальной прозы Стерна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М., 1928–1958.
2. Эйхенбаум Б.М. Молодой Толстой. Париж–Берлин, 1922.
3. Шкловский В. Повести о прозе: В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 255–258; Т. 2. С. 270–278.
4. Попов П. Стиль ранних повестей Л.Н. Толстого // Литературное наследство. 1939. Т. 35–36. С. 94–98.
5. Гусев Н.Н. Л.Н. Толстой. М., 1954. С. 332, 347–348.
6. Громов П. О стиле Льва Толстого: Становление «диалектики души». Л., 1971. С. 8, 20.
7. Атарова К.Н. Лоренс Стерн и его «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии». М., 1988. С. 80–81.
8. Спектор Н.Б. О «стерновской» и «карамзинской» чувствительности в интерпретации молодого Л.Н. Толстого // Карамзинский сборник. Ульяновск, 1997. С. 57–66.
9. Sterne Laurence. A Sentimental Journey through France and Italy by Mr. Yorik // Sterne Laurence. Selected Peose and Letters. Moscow, 1981. Vol. 1–2.
10. Верцман И. Лоренс Стерн // Стерн Л. Сентиментальное путешествие. Воспоминания. Письма. Дневники. М., 1940. С. III–XXXI.

Статья поступила в научную редакцию «Филологические науки» 18 февраля 2005 г.